Город Прокаженного короля

Автор:
Эмилио Сальгари

Город Прокаженного короля

Эмилио Сальгари

Приключенческая повесть «Город Прокаженного короля» рассказывает о поисках несметных сокровищ, спрятанных королем Прокаженных в джунглях Бангкока.

Эмилио Сальгари

Город Прокаженного короля

…Дай мне руку, читатель!

Мы странствовали с тобою по дебрям Цейлона вслед за борцом за независимость, грозным и неукротимым Сандоканом.

Мы посетили с тобой волшебные острова южных морей, где было скрыто сокровище Голубых Гор. Мы бродили по прериям Дикого Запада в дни кровавой борьбы краснокожих с янки. А теперь…

Теперь, если хочешь, я поведу тебя в Край Чудес.

Мы унесемся в страну, куда и сейчас европеец проникает с большим трудом, да и то ограничиваясь посещением только берегов. Это Сиам, это тот край, где до наших дней население чтит белых слонов и воздает им божеские почести.

Там есть города, выстроенные, как прекрасная Венеция, на тысяче островков, на каналах; там есть горы, которые в недрах своих таят великие сокровища, и есть дебри, населенные загадочными племенами дикарей и дикими животными.

Там есть могучие потоки воды, которые кишат гавиалами[1 - Пресмыкающееся отряда крокодилов с очень узким, длинным рылом, обитающее в реках.]и черепахами. И есть там еще нечто, что сейчас неведомо миру, но когда-нибудь, со временем, будет привлекать к себе тысячи и тысячи туристов: остатки нам неведомой и покуда не разгаданной древнейшей цивиливации, прах некогда гордых, но – увы! – погибших царств.

В этих дебрях Сиама, в почти недоступных человеку зарослях громоздятся развалины высоких башен фантастической архитектуры, крепостные стены, заросшие плющом, руины покинутых дворцов, в покоях которых теперь обитают только шумливые обезьяны да ядовитые змеи.

Окна и бойницы затканы седою паутиною – это работа огромных и страшных своим ядом пауков.

Там есть храмы.

И в полумгле человеческий глаз пугливо различает странные фантастические очертания огромных статуй.

Это боги древнего Сиама.

Исчезли бесследно те племена, которые поклонялись этим богам и унесли с собой тайну их культа. И с ними ушло из мира понимание таинственных письмен, покрывающих пьедесталы изображений и полуразрушенные стены храмов.

Не курится в этих покинутых храмах фимиам, не звучат песнопения жрецов, не вьётся по мраморному полу хоровод несущихся в пляске баядерок…

Но от этого полупризрачного, фантастического мира, кроме развалин, остался ещё целый цикл легенд.

Их свято хранит современный обитатель Сиама. И он ревниво молчит о «священных сагах», когда его допрашивает о них представитель белой расы.

– На что тебе, белый? – уклончиво отвечает сиамец европейцу на соответствующий вопрос. – Ведь ты чтишь других богов…

Вот в этот край легенд, быть может, более древних, чем легенды Цейлона и Индии, я и предлагаю тебе последовать за мною, читатель!

Но я не хочу вести тебя в современный Сиам. Я не поведу тебя в Бангкок наших дней, переполненный миссионерами, торгашами, французскими и японскими шпионами.

Я не поведу тебя в город, где теперь, как и у нас, чернь забавляется посещением кинематографа и напевает набившие всем оскомину мотивы дотащившихся сюда излюбленных мелодий репертуара шарманок…

Мы посетим Бангкок, каким он был приблизительно полвека тому назад, когда народ жил тут, как того требовали его собственные традиции, и когда жизнь была и пестрее, и, во всяком случае, оригинальнее, и интереснее, чем теперь…

Глава I

Горе Сиама

Это было во дни императора ПраБарда первого, который вёл дружбу с европейцами, оставаясь в то же время типичным восточным владыкою и человеком, полным диких предрассудков и суеверий.

Быть может, даже в дни древности, когда в Сиаме зародился культ поклонения белому слону священных дебрей Сиама, в тело которого воплощается дух бога Ганэши, сотворённого прекрасною Парвати, божественною супругою неукротимого Шивы, никогда ещё в Сиаме не прилагалось столько забот для исполнения всех религиозных требований, для совершения всех церемоний, как в дни императора ПраБарда.

В особых колоссальных палатаххрамах в этот период было собрано небывалое количество белых слонов, поиски и доставление которых в столицу государства стоили безумных денег.

И вот нечто странное стало приключаться с этими священными животными.

Однажды жалобный и тревожный гул гонга в главном храме поднял на ноги всё население страны. И люди испуганно переговаривались:

– Один из священных слонов покончил свои дни. Несчастье… Горе, горе Сиаму!

Прошло всего несколько дней, и опять над Бангкоком гудел тот же гонг, и опять смятение царствовало среди обитателей города, и опять испуганно твердили люди:

– Слышите? Опять гонг… Опять пресеклись дни одного из священных белых слонов!

– Что это? Или над нашею страною тяготеет проклятие? Горе, горе Сиаму!

Прошла неделя, и опять погиб один из слонов.

Трудно описать, что творилось в этот день с Сиамом!

Страх, тревога, печаль потоком разлились по всей стране. Словно призраки реяли они и над императорским дворцом, и над хижиной бедняка – и везде и всюду слышался один и тот же вопрос:

– Что же будет теперь с Сиамом?

Боги прогневались на Сиам. Их проклятие грозит стране. Смерть священных слонов – это только предвестье грядущих бед… Что-то будет, что будет?

И понятно, у всех на устах был еще другой вопрос:

– Но кто же повинен? На кого именно разгневались всемогущие боги? Кто отвечает за смерть белых слонов?

Одно имя знал весь народ:

– Лакон-Тай. Генералиссимус сиамских войск. Великий воитель, имя которого золотом вписано в историю Сиама.

Лакон-Тай был потомком одной из древнейших фамилий Сиама. Всю жизнь он служил родному краю.

Когда какой-нибудь враг вторгался в пределы Сиама, Лакон-Тай встречал его нападение. В дни мира Лакон-Тай являлся одним из влиятельнейших советников вот уже третьего императора Сиама, Пра-Барда, и народ называл его благоговейно «великим заступником бедняков», потому что Лакон-Тай отличался неподкупностью, суровой честностью и в то же время гуманностью.

Но за Лакон-Таем было одно прегрешение: вопреки традициям знатных сиамцев и самого императора, он в молодости не обзавелся гаремом, а женился на женщине из Европы. И поговаривали, что под влиянием своей жены он, по крайней мере втайне, перешел в христианство.

Очень может быть, что рука какого-нибудь неумолимого врага отняла у благородного Лакон-Тая радость его жизни: безумно любимая им женщина скончалась во время его отсутствия с загадочными симптомами отравления.

Лакон-Тай был безутешен, и, если бы почившая не оставила ему вместо себя ребенка, малютку-дочь, Лакон-Тай покончил бы самоубийством. Но он столь же страстно любил ребенка, как умершую жену, и всего себя посвятил воспитанию малютки.

Ее звали Лэна-Пра, и, когда она стала подрастать, весь Бангкок заговорил о ее красоте.

В самом деле, сиамским красавицам было чему позавидовать!

Лэна-Пра, или, как мы для краткости будем называть девушку, Лэна, была высокой, стройной красавицей с великолепными очами и тонкими, словно из бронзы изваянными чертами прекрасного лица. Только чуть бронзовый налет на ее атласной коже указывал, что в ее жилах, кроме крови ее матери, течет кровь детей Востока.

Лакон-Тай был очень богат: в его руках скопились колоссальные богатства его предков, да, кроме того, по обычаю ему доставалась известная доля военной добычи. А так как все походы, в которых участвовал он, заканчивались блестящими победами над врагами, то на долю Лакон-Тая достались огромные суммы.

Но сам он лично смотрел довольно равнодушно на груды золота и драгоценных камней: дороже всего на свете для него была его дочь, так живо напоминавшая ему его почившую супругу…

И вот, когда один за другим стали погибать священные белые слоны, глубокая печаль воцарилась в доме Лакон-Тая.

«Кто-нибудь, какой-нибудь свирепый и беспощадный враг губит слонов, чтобы этим погубить меня! – твердил про себя старый воин. – Покуда еще остается четверо слонов, император не выказывает особого гнева, но если…»

И опять загудел печально священный гонг в храме Ганэши, возвещая гибель священного животного. Это пал уже четвертый слон.

Тщетны были все меры, принятые Лакон-Таем для спасения трех еще уцелевших белых слонов: их окуривали, их натирали различными мазями, их переводили из одного помещения в другое. Целый отряд прислужников стерег их. Ни один стебель травы или пучок листьев, ни одно ведро воды не могло быть пронесено в стойла священных слонов, не подвергшись обследованию. В обязанности магутов, то есть погонщиков слонов, входило отведывать их пищу на тот случай, если кто-нибудь подмешает к ней отраву, и тем не менее двух слонов постигла та же участь, что четырех предшествующих: они пали в одну ночь. В живых оставался лишь один белый слон – и это был последний.

И вот несколько дней спустя в храме, где содержался этот последний слон, поднялась суета: у него проявились уже знакомые признаки близкой агонии. Он

умирал…

– Горе, горе Сиаму! Гибель грозит нашей стране! Гнев богов обрушился на нас! – неслись испуганные возгласы.

В полдень того же дня Лакон-Тай, великий и всегда победоносный вождь, стоял на коленях, словно преступник, перед троном императора со склоненною головою и смертельно бледным лицом.

Зал был полон: у трона стояла стража, у стен – толпы царедворцев, за колоннами – все «талапоины», или жрецы храмов Ганэши.

Но казалось, это не люди, а призраки, безгласные тени: никто не смел пошевельнуться, никто не смел промолвить слово…

Был слышен только гневный голос Пра-Барда, глядевшего в упор на Лакон-Тая:

– Собака! Я доверил тебе величайшее сокровище моей страны – семерых священных слонов. Где они? Что сделал ты с ними?

– Боги судили…

– Замолчи, раб! – загремел гневно, почти яростно Пра-Бард. – Ты хочешь свалить на богов собственную вину. Покуда слонов оберегали другие, более тебя верные и честные люди, никто не мог жаловаться на гнев богов. Если умирал один «живой Ганэша», то только от дряхлости. Семь слонов погибло в семь недель! И среди них были совсем молодые!

– Я верно служил тебе, государь, на полях битв, защищая своей грудью нашу отчизну от сильных врагов! – промолвил тоном горького упрека опальный воин.

Взор императора Сиама как будто смягчился. Казалось, он несколько успокоился, вспомнив действительно оказанные стране великим вождем услуги.

– Да, ты служил мне и стране! – произнес император как бы в раздумье. – Но это было и прошло… Ведь народ, все мои приближенные теперь винят тебя. Ты не сберег моих слонов! И ты же сам знаешь, что уже несколько экспедиций,

отправленных мною на поиски новых священных животных, остались безрезультатными, боги отвернулись от Сиама. Боги послали гибель семерым, быть может, последним в мире белым слонам! Теперь остается только один белый слон у царя Бирмы, но и это священное животное уже дряхло, и его дни сочтены… Кто же добудет для Сиама нового белого слона, в тело которого воплотилась душа Соммон-Кодома? Кто?

– Если бы ценою жизни своей, о государь, я мог заплатить за белого слона, я не задумался бы ни на минуту пожертвовать жизнью!

– Не торопись! Твоя жизнь не принадлежит уже тебе. У тебя есть уже другие заботы: ты – под судом! Великий совет решит завтра твою участь! – жестоко ответил Пра-Бард.

– Я не прошу милости и пощады себе, о повелитель! Но у мень есть дитя…

– Твоя дочь? Но ты разве не знаешь закона? Кто изменил долгу своему и причинил ущерб владыке своему, да будет тот предан позорной смерти. Если есть жены у него – да будут выведены на рынок они и проданы, а вырученные за них суммы должны поступить в кассу владыки, чтобы смягчить гнев его. Если есть у преступника сыновья и знали они умысел отца своего – смерть им, а если малолетки они – рабство им. И если есть дочери у преступника – да не будут проданы они на рынке, но обращены в рабство позорное и отданы на потеху черни и нечистых иностранцев…

Словно раненый зверь вскочил Лакон-Тай, но снова упал, простирая руки к изрекшему жестокий приговор владыке:

– Пощады, повелитель! Ни в чем не повинна пред тобою моя дочь, моя Лэна! Пощади!

Но император встал с трона и, не глядя на молившего о пощаде старика, прошел уже во внутренние покои и захлопнул двери.

Минуту спустя приемный зал гудел, словно рой потревоженных пчел, тысячами голосов: толпа царедворцев, слуг, жрецов, волнуясь, сновала по покою, но осторожно обходила все еще стоявшего на коленях перед троном старика, словно опасаясь прикосновением к его одеждам заразиться и навлечь на себя

гнев владыки…

– Ступай в дом твой, – послышался властный голос начальника дворцовой стражы.

Лакон-Тай поднялся.

– Иди, в доме твоем будешь ты ожидать решения судьбы твоей. Так сказал властелин! – продолжал тот же начальник дворцовой стражи.

Лакон-Тай побрел к выходу. Но с каждым шагом его поступь делалась увереннее и тверже. Еще минута – он шел уже с высоко поднятой головой и с презрительно-гордым взором. И люди, попадавшиеся ему навстречу, те самые, которые еще так недавно пресмыкались перед почти всесильным «великим вождем», а теперь отшатнулись от впавшего в опалу несчастливца, не выдерживали его взоров и отворачивались пристыженно, давая ему дорогу.

– Да сбудется то, что суждено небожителями! – бормотал про себя Лакон-Тай. – Но ни дворцовые лизоблюды, ни чернь не увидят моей казни… Я – воин, и я никогда не боялся смерти. Так пусть же она придет на мой зов и избавит меня от позора! Трусы и рабы ждут моей казни, чтобы из зрелища устроить для себя потеху. Этого они не дождутся…

Вернувшись в свой дворец, опальный вождь долго бродил в задумчивости по роскошным комнатам и террасам богатого сада. С наступлением вечера, когда пробил час трапезы, Лакон-Тай позвал к себе дочь, красавицу Лэну-Пра.

– Мое дитя! – сказал он, лаская девушку. – На днях тебе исполнилось пятнадцать лет. Перед тобой – вся жизнь, и пусть будут милостивы к тебе всесильные боги, пусть твой жизненный путь будет усыпан лепестками роз…

Я же стар, и… не известно, что ждет меня? В мои годы нельзя быть уверенным в завтрашнем дне… Помни: если я умру, а ты останешься одинокой и, кто знает, может быть, к тебе подкрадется нужда – я схоронил в центральном пруду нашего сада фамильные драгоценности, хранящиеся в нашей семье веками, и значительную часть моей военной добычи. Когда понадобится, ты легко добудешь эти сокровища со дна пруда. Никто не подозревает, что золото и драгоценные камни лежат там…

– Зачем ты, отец, говоришь так? – с ласковым упреком отозвалась девушка. – Ты бодр и здоров. Ты – любимец нашего властелина. Народ обожает тебя. Вся армия боготворит… А ты словно собираешься покинуть этот мир!

Подавив невольный вздох, Лакон-Тай сказал дочери:

– Глупый живет сегодняшним днем. Мудрый думает и о том, что будет завтра… Не волнуйся же, дитя, и помни, что я доверил тебе большую и важную тайну. Пусть же не знает о сокровище нашей семьи никто в мире, кроме тебя и… и того, кому ты когда-нибудь отдашь свое сердце как твоему мужу… Клянешься ли?

– Клянусь! – глухим и печальным голосом ответила девушка.

В ту же ночь во дворце Лакон-Тая, победителя бирманцев и камбоджийцев, любимого всем народом вельможи, поднялась суматоха. Молодой паж Фэнг, который в обращении с ним старого господина подметил что-то странное, не мог заснуть, поминутно прислушиваясь к тому, что происходило в соседней комнате, в спальне вождя.

Заглянув в щелку, он увидел, что старик почему-то рассматривает свой великолепный боевой меч. Это очень удивило верного слугу.

«Неужели мой господин вновь собирается в поход?» – подумал он.

Около полуночи Фэнга словно что-то толкнуло.

– Господин! Ты спишь? – промолвил он тревожно.

Старик не отвечал.

Тогда паж вошел в спальню и при свете лампады с ужасом увидел, что Лакон-Тай лежит бездыханный. Тут же, возле его ложа, на полу валялся изящной работы золотой флакон.

Подняв и понюхав горлышко флакона, Фэнг воскликнул:

– Опиум! Мой господин отравился!

И бросился в комнату давно уже уснувшей Лэны-Пра.

– Госпожа! Несчастье! Пробудись, госпожа! – кричал он.

В мгновение ока весь дом был на ногах. Но единственным не потерявшим голову человеком оказалась Лэна-Пра.

– Послать гонца за… Нет, не нужно знахарей! Я знаю, в соседнем доме уже третью неделю живет европейский врач, к которому днем приходят сотни бедняков-больных. Позовите европейца.

Никому не пришло в голову ослушаться этого приказания, и через пять минут европейский врач вошел в спальню отравившегося старого вождя. А когда лучи солнца позолотили остроконечные верхушки причудливых крыш бесчисленных домов и храмов Бангкока, на веранде дворца Лакон-Тая можно было видеть трех человек: еще очень слабый, но словно чудом вырванный из когтей смерти Лакон-Тай, держа руку не отходившей ни на мгновенье от него дочери, тихим, но прочувствованным голосом благодарил спасшего его европейца.

– Ты вернул меня к жизни, о друг, – говорил старик, – и я дал тебе слово, что не возобновлю попытки самоубийства. Но едва ли на радость остался жить… Я поведал тебе все. Едва ли что-либо спасет меня от погибели. В лучшем случае, если император смилостивится, он на долгие годы сошлет меня в какую-нибудь глухую провинцию…

– Так что же? – отозвался врач. – Будто бы люди живут только в столице Сиама? Я дорого дал бы, чтобы иметь возможность проникнуть в глубь неведомого миру края, и, если ты пожелаешь, я охотно последую за тобой в изгнание…

При этих словах глаза молча слушавшей разговор девушки загорелись. Она посмотрела благодарным взором на врача, потом потупилась. И, словно почувствовав ее взгляд на своем лице, молодой европеец, в свою очередь, впился взглядом в лицо Лэны-Пра.

Ночью, когда ему приходилось возиться с долго не приходившим в себя старым вождем, Роберто Галэно – так звали европейского врача – не имел времени разглядеть девушку, ловко и толково помогавшую ему. Теперь он видел ее прекрасное лицо при ясном свете дня, на это лицо ложились золотые лучи солнца юга, и Роберто Галэно едва сдержал возглас восхищения.

Эта сцена была прервана появлением какого-то слуги, который доложил старому вождю о приходе посыльного из дворца.

– Введите гонца! – распорядился Лакон-Тай.

– Послание нашего великого повелителя, царя над царями, божественного и непобедимого! – возгласил гонец, державший над головой обернутый в желтый шелк ящичек.

Дрожащими руками взял этот ящичек Лакон-Тай: он не знал, что в нем заключалось… Как часто в таком ящике гонец повелителя приносил кому-нибудь кинжал, флакон с ядом или шелковый шнурок! Тот, кто получал такое послание, должен был через три часа, не позже, покончить с собой, и именно способом, указанным самим императором: вспороть себе живот по образцу японского «харакири», отравиться в присутствии того же гонца или удавиться…

Но, как ни взволнован был старый боец, кроме легкой бледности, проступившей на щеках, ничто не выдавало его чувств.

– Слава богам! – вздохом облегчения вырвалось восклицание из его груди. – Тут в самом деле послание моего повелителя ко мне, а не… – Он не докончил фразы и, сорвав восковые печати с лежавшего внутри шкатулки письма, вслух прочел его содержание:

«Пра-Бард Сомдеца Непобедимый, повелитель Сиама, своему военачальнику Лакон-Таю. Внимай!

Велики твои прегрешения, и велик гнев мой на тебя, Лакон-Тай, но чужд сердцу моему грех неблагодарности, и не ступит моя нога на стезю несправедливости во веки веков. Внимай!

По твоей вине погибли доверенные тебе священные белые слоны, и осиротел край наш, лишившись покровительства богов. И потому заслуживаешь ты великой казни, а дочь твоя – позорного рабства. Но помнит сердце мое, что ты спас от вражеского копья почившего отца моего и сберег мне трон, когда был я малолетним, и потому мольба твоя о пощаде нашла тропинку, ведущую к сердцу моему. Внимай!

Велика скорбь страны всей, моя и народа моего, но светится огонь надежды, ибо одному из мудрых земли нашей приснился вещий сон. Внимай!

Явилась ему во сне Махар, великая священная змея с рубиновыми глазами и алмазными зубами, и изрекла, что тогда будет отыскан «живой Ганэша», воплощение Соммон-Кодома, когда будет в руках моих «ку» великого последнего короля-кудесника народа Игам.

И явилась потом вещая орлица Харуд, та, которая похищает людей и относит их в ад, – орлица, со стальными перьями, стальным клювом и медными когтями. И изрекла она, что «ку», священный скипетр Короля Прокаженных, находится в Городе Прокаженных, на берегах таинственного озера Тули-Сан, в дебрях Верхнего Сиама, куда в течение столетий уже не заглядывал ни единый сын земли.

Внимай же повелению моему!

Ты отправишься в страну ту и в дебри те, и в город тот. Ты отыщешь скипетр Короля Прокаженных и доставишь его мне. И тогда я верну тебе милость мою, и народ воздаст тебе все почести, и, когда придет смертный час твой, я, Пра-Бард Сомдеца, царь царей, великий и непобедимый, прикажу сжечь тело твое на костре из красного дерева и сандала, как приличествует князю дома моего. Я кончил».

Прочитав императорское послание, Лакон-Тай огляделся вокруг, словно только что очнувшись от тяжелого сна.

– Священное озеро Тули-Сан! – произнес он глухим взволнованным голосом. – Это там, куда, говорят, не может теперь проникнуть человек, потому что реки кишат крокодилами, а леса – гигантскими человекообразными обезьянами. Развалины

Города Прокаженных… Говорят, тот, кто переступил порог ворот этого города, погиб безвозвратно, потому что в этих развалинах ютятся мириады ядовитых змей. Но я не боюсь их! Говорят, там живут злые призраки, кровожадные тени каких-то чудовищ. Они, эти призраки, сторожат храм, где находится памятник Королю Прокаженных… Ну что же! Или так, или этак…

Гонец императора, молча присутствовавший при прочтении послания, подал признаки жизни, сказав Лакон-Таю:

– Итак, что должен сказать я повелителю?

– Скажи, – ответил старик, – скажи, что верный слуга его сегодня вечером отправляется в далекий путь и не вернется, пока не отыщет скипетра последнего короля народа Прокаженных! Иди!

И гонец исчез.

В тот же вечер маленький караван из вернейших, испытанных слуг Лакон-Тая, вооруженных с ног до головы, шел по направлению к Верхнему Сиаму, поднимаясь вверх по течению реки Мэ-Нам.

В огромной, довольно тяжелой барке, медленно подвигавшейся под дружными ударами массивных двуручных весел, с которыми управлялись опытные гребцы из старых соратников Лакон-Тая, находился сам старый вождь, его красавица дочь Лэна-Пра и молодой европейский врач.

Старик дремал в небольшой, каютке. Лэна-Пра и Роберто сидели на носу барки и оживленно разговаривали.

– Я не помню даже лица моей покойной матери, – говорила задумчиво девушка, – но мне грезятся далекие страны Запада, тех краев, где родилась она, давшая мне жизнь… Мне грезятся города этих краев, их храмы, где молятся не многим богам, а Единому, и… и меня тянет туда.

– За чем дело стало? – отозвался Роберто. – Вот лишь бы только удалось нам отыскать этот таинственный Город Прокаженных и мистический скипетр. Тогда Лакон-Тай снова обретет милость повелителя. А тогда – это будет уже вашим

делом, Лэна, уговорить его, отпроситься поехать в Европу. Предлог можно отыскать всегда, а важно лишь выбраться из пределов досягаемости… И ваш отец, и вы найдете в Европе новую родину или, во всяком случае, отыщете убежище, где вам не будут грозить никакие беды…

Девушка вздрогнула, но ничего не сказала.

Ободренный ее молчанием, Роберто продолжал взволнованным голосом:

– Нет, в самом деле, Лэна! Разве эта жизнь в Сиаме такова, что вам было бы тяжело покинуть родину? Вы не ребенок, хотя и так молоды, и вы должны знать, от какой ужасной опасности вы избавились только в силу того, что у императора Пра-Барда изменилось к лучшему настроение… Но кто поручится, что завтра его настроение не изменится снова к худшему? А тогда едва ли что-либо спасет вашего отца от казни, а вас – от такой жизни, которая хуже смерти…

Слабым, чуть слышным голосом девушка ответила:

– Но удастся ли нам еще вернуться живыми из этого путешествия? Что ждет нас в дебрях и трущобах?

– Будем надеяться на лучшее! – ответил Роберто.

А барка плыла и плыла, удаляясь от Бангкока.

И вдруг позади плывущих все небо озарилось багровым заревом. Там словно вспыхнул колоссальный пожар, сразу охвативший огромную площадь.

– Что это? Бангкок горит! – воскликнул тревожно итальянец, машинально схватывая руку девушки.

– Нет! – тихо засмеялась та. – Разве вы забыли, что сегодня вечером совершается церемония сожжения трупа этого… священного слона?

Странные нотки, зазвучали в голосе девушки. Что-то насмешливое, дерзкое…

Роберто обернулся к ней и заглянул в ее лучистые глаза.

– Слушайте, Лэна! – сказал он. – Мне кажется… Мне кажется, вы не очень-то верите в то, что белый слон – священное животное, в тело которого воплощается дух Соммон-Кодома?

Девушка пожала плечами.

– Моя мать была христианкой! – чуть слышно шептала она. – И я… я ношу на груди… один амулет.

Что-то блеснуло в полумгле.

Роберто Галэно наклонился, и его взор упал на маленький золотой крестик, лежавший в руке дочери старого вождя сиамцев…

Глава II

Странствия по Мэ-Наму

Первые дни путешествия в «бэлоне» – так зовут сиамцы плавающие по величественному Мэ-Наму большие многовесельные барки с каютами – прошли, как какой-то полный красивых грез сон.

Роберто Галэно, итальянец родом, скиталец и врач по призванию, уже успел-таки побродить по миру и наглядеться на его диковинки, хотя он оставил Европу только семь или восемь лет назад. Он видел берега Нила и плавал по водам Ганга, священной реки Индии, но то, что представилось его взорам тут, на лоне таинственного и совершенно не исследованного в те дни Мэ-Нама, буквально очаровало его.

Вблизи от Бангкока река разливалась на необозримое пространство, образуя колоссальную дельту, но несколько выше она текла могучим глубоким потоком, берега которого были покрыты чуть ли не первобытными лесами. Лесные гиганты, растущие на вечно влажной почве в пропитанной парами атмосфере, достигают в Сиаме поистине сказочных размеров, и растительность отличается

пестротою и разнообразием, могущими заставить растеряться любого ботаника. Растительному миру, его фантастическому богатству вполне соответствует и мир животных, населяющих леса на берегах Мэ-Нама.

Едва взойдет солнце, в воздухе яркими разноцветными искорками мелькают бесчисленные насекомые. Огромные пестро окрашенные бабочки пролетают над лениво катящим свои воды потоком, словно несомые ветром лепестки причудливых сказочных цветов.

Крикливые попугаи всех форм и величин шумными стайками перелетают с одного берега на другой. Кажется, они торопливо рассказывают друг другу все лесные новости…

Вот бэлон медленно проплывает под густыми ветвями свесившегося над водой банана. Миг – и в листве мелькают темно-коричневые тельца, слышатся крики, какое-то стрекотанье, словно на банане приютилась целая колония белок. Но это не белки – это целое племя маленьких длиннохвостых обезьянок. Они издалека увидели плывущее судно и избрали банан в качестве наиболее удобного места для наблюдения, а теперь, когда бэлон вошел в тень банана, они струсили и торопятся удрать в глубь леса, неистово крича, кувыркаясь с ловкостью первоклассных акробатов и награждая друг друга пощечинами и пинками…

Стоит заглянуть с борта бэлона вниз, в прозрачные воды, и там взору представляется целый мир.

Вот словно ртуть брызгами разбежалась по речному песчаному дну – это мелкая-мелкая речная рыбешка, ходящая всегда стайками в поисках добычи, наткнулась на киль лодки и бросилась в паническое бегство… А вот, колыхаясь, словно безвольно плывущая по течению реки водоросль, проплывает что-то несуразное, бесформенное, студенистое и костлявое.

Миг – и нить свернулась в клубок. Еще миг, и она снова вытянулась и поплыла куда-то в сторону, и теперь ее движения напоминают движения красивой ядовитой змейки. Да это и есть если не змея, то ее близкая, должно быть, родственница, ядовитая рыба, которой в Сиаме боятся не меньше змеи.

А еще дальше по песчаному дну проползает что-то круглое, темное, как огромное пятно. Но это пятно – живое существо: это гигантская речная

черепаха, за которой постоянно охотятся обитатели края с особыми целями: черепаха отличается свирепым нравом, отчаянной драчливостью и устраивает поединки с себе подобными в любых условиях, поэтому подданные «царя царей», Пра-Барда, у которых азарт в крови, платят дорогую цену за особенно молодых и свирепых самцов черепашьего племени и выращивают из них первоклассных бойцов, на состязаниях которых выигрываются и проигрываются целые состояния. Азарт достигает таких размеров, что сплошь и рядом проигравшийся до нитки сиамец ставит на карту сначала детей, потом жену, потом, наконец, самого себя…

Наблюдая этот пестрый и необычный мир, Роберто Галэно имел возможность вполне удовлетворять свое любопытство: Лакон-Тай, исходивший страну вдоль и поперек, обладал неистощимым запасом рассказов о нравах людей и животных, об особенностях растений. И он же знал бесконечное множество местных легенд, зародившихся в дни глубокой древности и часто заключающих в себе отголоски давно минувших исторических событий…

Лэна-Пра присутствовала при этих разговорах и, в свою очередь, по целым часам допрашивала Роберто Галэно, желая знать, как строится, как течет жизнь далеко-далеко от тинистого Мэ-Нама, в Европе. И, беседуя с нею, молодой европеец невольно поражался ее восприимчивости, способности схватывать мысли на лету, ее сообразительности и любознательности.

Да, в этом прекрасном юном девическом теле был столь же прекрасный дух…

Что особенно нравилось молодому натуралисту в девушке, это ее хладнокровие, ее находчивость и вместе с тем ее женственная чуткость и деликатность.

Между прочим, разговаривая об окружающих странников чудесах природы, Лакон-Тай, его дочь и Роберто Галэно не могли упускать из виду и последних происшествий, перевернувших жизнь старого сиамского вождя.

– У меня должны быть могущественные враги! – твердил Лакон-Тай опечаленно. – Но я не могу понять, кто они, эти беспощадные враги! Император, по существу, очень добр, и он был всегда исключительно милостив ко мне. Что сделалось с ним теперь? Но ведь вы видите сами, он не допустил моей гибели. Он предоставил мне шанс…

– Ну, едва ли то, что он предложил вам, вождь, многим лучше простой расправы! – отозвался итальянец.

– Нет, не говорите так. Вы правы, мы отправляемся в очень рискованную экспедицию, и только боги одни знают, как она закончится. Но ведь мы сейчас свободные люди. Лэна-Пра со мною, под моим покровительством. А могло быть иначе…

Легкая дрожь пробежала по телу молодой девушки.

– Свободны ли мы? – сказал, в свою очередь, Роберто Галэно. – Да, мы плывем на просторе Мэ-Нама, и за нами как будто никто не следит. Но можно ли поручиться, что это так в действительности? У меня из памяти не выходят последние часы нашего пребывания в Бангкоке. Особенно это таинственное нападение на меня. В самом деле, вы, Лакон-Тай, можете опасаться, что у вас завелся какой-то могущественный и беспощадный враг, но откуда могут появиться враги у меня? А ведь мне была приготовлена форменная ловушка! Подумайте сами: меня приглашает к будто бы заболевшей жене какой-то оборвыш, ползающий у моих ног. Я отправляюсь с ним к его хижине. По дороге мы болтаем. И вдруг он набрасывается на меня и пытается задушить… Счастье, что за секунду до этого во мне зародилось подозрение, и молодец получил такой тумак, который заставил его закрутиться волчком. Но у него было четверо сообщников – я видел их, я уложил двух выстрелами из своих неразлучных револьверов. И что дальше? Когда на выстрелы прибежали ваши слуги, мы нашли многочисленные следы, отыскали место, где разбойники сидели с полчаса в засаде, поджидая именно меня, но раненые исчезли. Их товарищи увели или, правильнее, унесли их, чтобы мы не могли допросить…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пресмыкающееся отряда крокодилов с очень узким, длинным рылом, обитающее в реках.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sal-gari_emilio/gorod-prokazhennogo-korolya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить